

П Р О З А

С.Нейеров

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

ИСТОРИЯ НЕФРИТОВОГО БРАСЛЕТА

Речь пойдет о политике, поэзии и любви.

. . .

За сто лет до описываемых событий после очередной Великой революции и крестьянской войны к власти пришел Великий Вождь и император Тай-цзун. Ближайшим советником Вождя был "человек-зеркало" Вэй Чжэн, имя которого долгие годы производилось китайцами с не меньшим благоговением, чем имя Ленина. "Человек-зеркало" был основателем китайского социализма; с помощью своего друга — императора он создал огромное социалистическое государство — империю Тан. В этой империи не было помещиков, крестьяне были обеспечены одинаковыми наделами в 100 му, а чиновники получали государственное содержание и отбирались с помощью знаменитой экзаменационной системы. Во времена описываемых событий в этом обществе появились первые признаки разложения.

. . .

Отец Народа император Сюань-цзун был верным наследником идей "человека-зеркало". Всю свою жизнь он проводил в разъездах по провинциям, проверял дела местных чиновников, беседовал с народом и выслушивал его жалобы. "Он поздно питался и до рассвета облачался", его колесницу видели на севере и на юге, и в суете больших и малых дел он не замечал, как течет время. На 28 году "Кайюань", в десятом месяце, возвращаясь из провинции, он прибыл во Дворец Теплых Источников. Уже в темноте, при свете факелов конный эскорт императора втянулся в дворцовые ворота, слуги быстро распрягли лошадей и отвели Сюань-цзуна в опочивальню.

Назавтра был день отдыха и император проснулся поздно. Его разбудила мелодия лютни и веселые голоса за окном.

Зеркальное озеро
На сто раскинулось ли,

И лотосы тихо
Открыли бутоны свои...

Сюань-цзун запахнул халат и вышел на террасу. Четыре юные прелестницы плескались в зеркальном озере, не ведая о приезде императора. Старый евнух играл на лютне, а служанки держали наготове вышитые шелковые халаты. Вот одна из девушек вышла из воды, и, обессилев после купания, присела на циновку, подогнув под себя маленькие стройные ноги. Служанка укладывала ей прическу и было видно, как по запрокинутому лицу стекают последние зеркальные брызги.

Сюань-цзун с трудом заставил себя отвернуться и пошел вдоль террасы к лестнице в парк. Ни стражи, ни приближенных не было видно, должно быть, все устали с дороги и еще спали. Возле лестницы, у низкого столика сидел на коврике придворный поэт Ли Бо, потягивал из чашки вино и смотрел на озеро. Та самая красавица собирала с лодки белые лотосы.

Красавица с лодки
Цветы собирает легко,

А люди досадуют —
Озеро невелико:

Уплыла красавица,
И не видать за холмом,

Как входит она,
Равнодушная, в княжеский дом.^{I/}

"Это Юй-хуань,^{2/} любимица вашего сына, князя Шоу", — сказал Ли Бо и вопросительно посмотрел на императора. Сюань-цзун не ответил, задумчиво взял у Ли Бо чашку и допил вино.

Ближе к вечеру он вызвал своего камердинера Гао-Ли-ши. Евнух Гао понимал все с полуслова, но в его глазах читался все тот же немой вопрос: "Что будет с князем Шоу?"

I/ Здесь и далее стихи Ли Бо, Ду Фу и Тао Цяня в переводах А.Гитовича и Н.Конрада.

2/ Юй-хуань — "нефритовый браслет".

И Сюань-цзун снова ничего не ответил.

Поздно ночью Гао, одев свой парадный парчовый халат, вошел в маленькую спальню Юй-хуань. Тускло светил бумажный фонарь; проснувшаяся девушка смотрела на него удивленными глазами, но без всякого страха. "Ты знаешь меня?" — спросил евнух. Она кивнула. — "Император желает видеть тебя, Нефритовый Браслет. Закутайся в это покрывало." — Обнаженная девушка завернулась в покрывало из пуха цапли, Гао взял ее на руки и пошел по темным коридорам дворца. Слуга впереди освещал фонарем дорогу, стражники молча салютовали оружием. "Теперь все будут называть тебя Гуй-фэй,^{I/} — успокаивающе шептал Гао, склонившись к ее головке, — все будут тебе завидовать". В дворцовой опочивальне евнух отодвинул полог и посадил Юй-хуань на край огромной постели.

— Благодарю вас, Гао, — сказал из темноты император.

• • •

На следующий день двор отбыл из Дворца Теплых Источников в столицу. Уже стемнело, когда императорская барка вышла по Желтой Реке к Лояну. На берегу светились огни огромного города, вспыхивали праздничные фейерверки; красные фонари горели на мачтах корабля. Сюань-цзун и Нефритовый Браслет стояли у мачты и, прижавшись друг к другу, смотрели на город. На корме играл на флейте матрос и такая же мелодия отвечала ему с далекого берега.

Слышу: яшмовой флейты музыка,
Окруженная темнотой,

Пролетая, как ветры вешние,
Наполняет Лоян ночной.

Слышу "Сломанных ив" мелодию,
Светом полную и весной...

Как я чувствую в этой песенке
Нашу родину — сад родной!

^{I/} Гуй-фэй — "драгоценная наложница императора".

. . .

С этого дня в столице и в провинции, днем и ночью они были всегда вместе. "Когда император устраивал дела девяти областей и приносил жертвы пяти священным горам, Гуй-фэй всегда ездила с ним в одной колеснице. Вместе с ним она коротала снежные ночи на горе Ли и встречала весеннее утро в Шаньянском дворце".^{I/} Они вместе бродили по берегу Южного моря и любовались огромными магнолиями у подножья Эмэя.

...Листва скрывает птиц поющих стаю,
И ароматный легкий ветерок
Красавицу внезапно остановит
Хотя б на миг — на самый краткий срок.

Ли Бо показывал на покрытую пенистыми лесами вершину и рассказывал о своей отшельнической жизни в хижине у водопада — вон там, на краю облаков. "Разве можно жить на краю облаков?" — спрашивала Гуй-фэй.

Меня спрашивают, что вы там живете —
— в голубых горах.
Смеюсь и не отвечаю... Сердце мое спокойно.
Цветок персика уносится струей и исчезает.
Есть другой мир — не наш человеческий...

На личико Гуй-фэй на мгновение набегала задумчивость, но она тут же прыскала смехом и толкала поэта в бок:

Дайте Ли Бо один жбан вина,
И он напишет сотню стихов.
Вот он дремлет
В кабачке на базаре в Чанъяни.
Император присылает за ним,
Но он не идет в императорскую лодку.
Он говорит: "Я слуга вашего величества,
Но когда я пьян, я сам — небожитель".

Сын Неба — Сюань-цзун улыбался и тоже смотрел на горы.

^{I/} Чэнь Хун, "Повесть о бесконечной тоске".

Потом они перестали ездить по стране. Мир сузился до размеров Шанъянского дворца, а вселенная — до улыбки Гуй-фэй. Пирь и фэйерверки сменяли друг друга, император сочинял для Гуй-фэй мелодии и сам играл их на флейте.

Ветерок шелестит,
Над ночными цветами струясь,
На террасе Гусу
Веселится подвыпивший князь.
А красотка Си Ши
Танцевать попыталась, хмельная,
Но уже засмеялась,
На ложе из яшмы склоняясь.

— Почему ты сравниваешь мою Гуй-фэй с "сокрушающей царство" Си Ши? — удивленно спрашивал император.

— Когда Си Ши подарили ускому князю, он тоже оставил все дела, государство пришло в упадок и погибло, — отвечал Ли Бо.

— Но моя империя процветает и народ любит меня...

Ли Бо наполнял вином бокалы и задумчиво смотрел на императора.

Упадок и расцвет
По высшей воле
Проходят,
Чередуясь меж собой, —
И Чжао Пину,^{I/}
Что работал в поле,
Дунлин казался
> Сказкой и мечтой.
В судьбе людей,
Неведомой поэтам,

^{I/} Чжао Пин — дунлинский князь, кончивший жизнь простым крестьянином, выращивавшим тыквы в окрестностях столицы.

Есть день и ночь,
Есть лето и зима.
Но мудрецы давно,
По всем приметам,
Постигли
Силой своего ума,
Что если есть еще
Вино при этом —
Тогда и ночью
Исчезает тьма.

. . .

Здесь нам придется возвратиться от поэзии к прозе.

"В конце годов "Тяньбао" Го-чжун, родной брат Гуи-фэй, благодаря ей пролезший на должность главного советника, распоряжался государственными делами, как хотел", — писал историк Чэнь Хун. "В делах царит беспорядок и хаос, — говорил Ли Бо, — честность и справедливость совершенно исчезли; те, кто дает взятки, получает ученую степень". Император больше не контролировал деятельность чиновников, и бюрократия быстро разлагалась. Каждый мнил себя хозяином своего кресла и вымогал взятки за то, что обязан был делать по должности. Это был хорошо знакомый читателю процесс разложения социалистического государства.

. . .

Знаете ли вы, что такое феодал?

ФЕОДАЛ — это ДОЛЖНОСТЬ, СТАВШАЯ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ.

Великолепные графы и виконты средних веков во времена *Романа* были всего лишь государственными чиновниками, управителями районов на казенном окладе. Разложение центральной власти сделало их хозяевами округа. Всякая должность — должность повара на кухне, привратника в больнице и священника в церкви — всякая должность стала орудием беззастенчивой наживы.

Феодалы наследовались, покупались и продавались. Должность протоспафария в Константинополе стоила 15 фунтов золота, дол-

ность мясника в Самарканде — 15 тысяч рублей. Гражданские и военные феодалы постепенно превращались в высшее сословие, пытавшееся закрепить и поработить простой народ.

• • •

РАЗЛОЖЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА ВСЕГДА ПОРОЖДАЛО ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.

• • •

В Западной столице между тем предавались празднествам, поэзии и любви. Захватив управление государством, братья и сестры Гуй-фэй тешились властью, как могли. Они предавались кровосмесительному разврату и в опьянении любви устраивали колесничные гонки на улицах столицы. "От факелов было светло, как днем. Они мчались в открытых колясках, наряженные ярко и богато. Улицы были запружены зеваками, и толпа только ахала в изумлении." I/

Император не замечал ничего за улыбкой Гуй-фэй. Он по-прежнему не выходил за стены дворца, пил вино в беседке Грушевого сада и играл на флейте свою любимую мелодию. Эта мелодия называлась "Из радуги яркий наряд", и Гуй-фэй попросила его исполнить ее той первой ночью.

С тех пор он играл ее каждый день.

• • •

Но, кажется, все-таки что-то изменилось вокруг.

Куда-то пропал Ли-Бо, уехал, не простясь; без сожаленья сбросил придворный халат и пошел бродить по стране, читая стихи в харчевнях.

И вчера на приеме маршал Ань Лу-шань прошел мимо него, как мимо дубового столба, обратившись с приветствием к Гуй-фэй.

— Что это значит, человек из племени ху? — спросил Сюань-цзун. — Почему ты кланяешься не мне, а моей наложнице?

I/ Лэ Ши, "Ян Гуй-фэй".

— У нас, в народе ху, отца не знают, знают только мать, — с усмешкой ответил Ань Лу-шань.

Это был огромный гунн с прямым взглядом и кривой саблей за поясом. Он охранял северную границу и считал, что охраняет устои государства, принципы великого Вэй Чжэна.

Гуй-фэй развлекала его милой беседой и, когда он уехал, отправила вдогонку несколько кристаллов камфоры из Цзяочжи.

Она отправила гонца на знаменитом скакуне, способном видеть в ночном мраке и пробегать пятьсот ли в день. Это была великая часть, и маршал должен был остаться доволен.

. . .

— Что это?! — как зверь, зарычал гунн, вцепившись в пропыленную куртку гонца. — Я просил подкреплений, а не это!

Он вышвырнул гонца из походной палатки и, выхватив у караульного трубу, заиграл сбор.

— Они предали идеалы Империи! — кричал он перед бесконечной колонной железных всадников. — Они угнетают народ, продают и покупают должности! Для них нет ничего святого! Они предаются распутству прямо на улицах столицы!

Огромная железная гусеница из ста тысяч всадников Северной армии медленно развернулась и, ускоряя рысь, двинулась в горный проход Тунгуань.

— На столицу! — кричал Ань Лу-шань в бешеной скачке и тысячи глоток отвечали ему дружным ревом: "На столицу!"

. . .

На пятнадцатом году "Тяньбао", в шестом месяце, конная лава Ань Лу-шаня ворвалась в столицу. В хаосе отступления, по дорогам, запруженным войсками и беженцами, император и Гуй-фэй добрались до Мавэя. Здесь, на маленькой почтовой станции они были окружены солдатами Правой императорской армии.

— Поднебесная на краю гибели, — говорил командующий Чэнь Сюань-ли, — императорский трон колеблется. Если бы не Ян Го-чжун, который грабил и притеснял народ, разве дошли бы мы до такого позора?

Людское море за стенами станции волновалось и рокотало.

— Смерть Го-чжуну! — кричали солдаты. — Смерть Янам! Ян Го-чжун, брат Гуй-фэй, испуганно смотрел на императора.

Император молчал.

— Смерть Гуй-фэй! — кричали солдаты.

— Иди, поговори с ними, — сказал император и отвернулся.

Бледный Го-чжун спустился к воротам станции, постоял перед ними, прислушиваясь к реву толпы и не решаясь выйти. Потом позвал слугу. "Я приоткрою калитку и просуну голову, — вказал он. — А ты надави сзади, чтобы сломать мне шею".

Толпа на минуту затихла и снова взорвалась криками.

. . .

"Император вышел из почтовой станции, чтобы успокоить войско, — пишет Лэ Ши. — Но солдаты и не думали расходиться. Император взглянул на приближенных, словно спрашивая о причине. Тогда Гао Ли-ши сказал:

— Как солдаты могут разойтись? Ведь корень зла еще цел.

Сюань-цзун вернулся на двор станции. Между стеной, которой был обнесен двор и зданием станции был тупичок. Не в силах войти в свои покои, император остановился здесь, склонив голову и опираясь на посох. Чувства совершенно-мудрого словно помутились.

Долго стоял он так, пока чиновник столичного округа Вэй Э не приблизился к нему и не сказал:

— Ради успокоения Поднебесной умоляю Ваше величество забыть о личных привязанностях!

Наконец император вошел в свои временные покои и вскоре показался в дверях, поддерживая Гуй-фэй. Он проводил ее до выезда на дорогу и здесь простился с ней, предоставив остальное Гао Ли-ши.

— Желаю всем счастья, — сквозь слезы сказала Гуй-фэй. — Ваша раба долго пользовалась вашей любовью и умирает, не тая обиды...

— Желаю тебе возродиться в счастливых краях, Нефрито-

вый Браслет, — сказал император."1/

. . .

"После этого Гао Ли-ши удавил ее под грушей перед буддийским храмом."2/

К Р А С Н О Е З Н А М Я И И С У С А

Он смотрел на колоссальный, возвышающийся над миром белый Храм и ждал. Оставалось уже немного, последние минуты или секунды перед концом. Белый мрамор матово светился в лучах утреннего солнца и золоченные кресты поднимались к небу все так же уверенно и спокойно, как в тот день, когда он впервые увидел их.

Это было почти сорок лет назад. Был такой же солнечный день, и толпы верующих стояли на коленях на паперти и на белых мраморных лестницах вокруг храма. Они смотрели на солнце, на золоченные кресты, и под величавую музыку веков пели древнюю молитву, начинающуюся словами "Отец наш..."

Тогда эта молитва была обращена к Другому.

Теперь же настал Его час.

Белые кубы вырвались из-под стен храма и купол медленно, словно нехотя, повалился внутрь богатырских стен. Земля вздрогнула. Угловые стены сложились, как гигантская книга столетий, и исчезли в окутавшем город дымком облаке.

ОН закрыл эту книгу.

ОН победил.

ОН уничтожил всех соперников, левых и правых, живых и мертвых.

ОН уничтожил самого БОГА, чтобы занять его место.

1) Лэ Ши, "Ян Гуй - фэй".

2) Там же.

. . .

На столе стояла открытая бутылка "Саперави". Он наполнил стакан и медленно выпил. Еще раз посмотрел в окно и улыбнулся. Это он хорошо придумал: объявить врагом народа Христа Спасителя. Репрессировать его вместе с Каменевым и Зиновьевым. Ведь он тоже был человеком. И даже революционером.

. . .

ИИСУС ХРИСТОС БЫЛ ВЕЛИЧАЙШИМ РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ ВСЕХ ВРЕМЕН, СОЗДАТЕЛЕМ МИРОВОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ.

Сталин сделал все, чтобы выкорчевать память о нем. Он распял самого Иисуса.

И теперь нам остается снять с креста еще одного реабилитированного посмертно.

. . .

Что есть истина?

Что такое социализм в понимании ликующей у подножия мавзолея толпы?

СОЦИАЛИЗМ — ЭТО РАВЕНСТВО И БРАТСТВО.

ЭТИ ВЕЛИКИЕ ПРИНЦИПЫ БЫЛИ ПРОВОЗГЛАШЕНЫ ХРИСТОМ.

Все остальное: ограничение частной собственности и государственное регулирование для поддержания равенства — все остальное вытекает из этих принципов.

ВСЕ ЛЮДИ — БРАТЯ!

КТО НЕ РАБОТАЕТ — ТОТ ДА НЕ ЕСТ!

Эти бессмертные лозунги Иисуса стали катализатором десятков революций, среди которых была и Октябрьская революция в России.

Но Иисус Христос был не только создателем учения — он был и великим практиком. В 31 году он основал в Палестине первую коммунистическую общину. "Все верующие были вместе и имели все общее: и продавали имение и всякую собственность и разделяли всем, смотря по нужде каждого".^{I/} Он был казнен

^{I/} Деяния апостолов, 2,44-45.

за свою революционную пропаганду, но его учение породило грозные всходы. Миллионы угнетенных и обездоленных того далекого мира нашли в нем свою надежду и веру. Эта вера в социализм породила тысячи мучеников, и ее величие заставило смириться могущественных императоров. Эта вера пережила варварские нашествия и темноту Средних Веков. Ее служители изменяли ей, они торговали в Храме и вводили туда блудниц, но приходили новые времена и новые святые выбрасывали из Храма столы менял.

Вера жила.

В середине XIX века на глазах Маркса и Энгельса она породила грандиозную социалистическую революцию под красным знаменем Иисуса Христа.

Эта революция была прологом Великого Октября.

. . .

"Великий старший брат, Иисус, предрек, что небесное царство грядет, что оно придет на землю. Ныне Отец Небесный и Небесный Брат, спустившись на землю, основали как раз это Царство Небесное — Тайпин тянго".

Так писал Небесный Брат Хун Сю-цзюань в "Разъяснении к священному писанию".

Он был сыном бедных крестьян, которые отдали последние деньги, чтобы выучить его в деревенской школе. Потом он сам учительствовал в этой школе, в полуразрушенной хижине на краю тропического леса, влача полуголодную жизнь среди свитков старых книг и теней древних философов. Однажды во время поездки в Кантон ему в руки попал христианский трактат "Увещевание мирян добрым словом". Он прочитал эту книгу и как-будто заболел: в горячечном бреду ему чудилось, что он призван на небеса, где старший брат Иисус вручает ему небесный мандат на спасение родины. Соседи считали его сумасшедшим и пытались, как могли, вразумить его — и он действительно как будто поправился. Несколько лет он вел молчаливую жизнь, что-то писал и жег по ночам, задумчиво бродил по окрестным полям и смотрел, как работают крестьяне. В 1843 году его наконец прорвало: под изумленными взглядами сельчан он расколол в щепы и выбросил из

школы статуя Конфуция, крестился и, взяв в руки посох, пошел проповедовать по окрестным деревням.

Не все ли равно — Галилея или Гуандун? Как и Христу, ему было тридцать лет и он говорил крестьянам то же, что и Христос". "Вся Поднебесная — одна семья, все люди — братья", "Повсюду должно быть полное равенство", "Если мы исповедуем истинное учение, то даже небольшое число нас будет равно множеству..." У него появились ученики-апостолы; один из них, Ян Сю-цин, тоже говорил, что временами наяву слышит голос Бога и неуклюжими крестьянскими стихами передавал его слова. Семь долгих лет новый Христос создавал свою общину, в июле 1850 года он подал сигнал к восстанию.

20 тысяч верующих собрались в деревне у горы Цзиньтянь и повязали головы красными повязками. Снова вернулись времена Христа: "Все верующие были вместе и имели все общее: и продавали имение и всякую собственность и разделяли всем, смотря по нужде каждого". Они называли друг друга братьями и сестрами, а помещиков и чиновников — дьяволами, врагами Христа. В едином порыве они отказались от всего — от имущества, от семьи, от детей, чтобы сражаться с дьяволами. Они приняли суровые монашеские заповеди: мужчины и женщины жили в отдельных лагерях; Небесный Брат запретил любовь ради священной войны. Он провозгласил создание "Тайпин тянго" — "Небесного государства всеобщего равенства и благоденствия".

И лавина покатилась.

На всем пространстве от Южного моря до Голубой реки "невежественные крестьяне толпами выходили приветствовать мятежников".^{1/} Из Цзиньтяни вышло 20 тысяч тайпинов, близ Чанша их было 100 тысяч, к Голубой реке пришло 500 тысяч, Южную столицу, Нанкин, осадило двухмиллионное ополчение восставших.

19 марта 1853 года Южная столица была взята штурмом. Революция победила.

^{1/} Чжан Дэ-цзянь, "Продовольственная система мятежников"

. . .

Первым документом революционной власти стал Декрет о земле.

"Необходимо, чтобы все жители Поднебесной в равной степени наслаждались великим счастьем, дарованным Небесным отцом, Господом Богом, — говорилось в Декрете, — имея поля, обрабатывали бы их сообща, имея пищу, вкушали бы ее вместе, имея одежду, делили бы ее поровну, чтобы ни в чем не было неравенства, чтобы все были сыты и одеты".^{1/}

Помещичья собственность упразднялась: земля переделывалась по едокам; каждые 25 семей объединялись в коммуну с общей "священной кладовой" и церковью.

"Невозможно выразить словами радость народа, которому революция принесла освобождение от эксплуатации", — писал историк Фань Вэнь-лань.

Маркс назвал эту социальную систему "китайским социализмом".

Социализм победил.

Южная столица была переименована в Небесный город, Тяньцзин. Небесный город стал центром тайпинской общины "братьев и сестер". Тайпины по-прежнему жили большой коммуной и имели все общее. Изделия ремесленников, военная добыча, собранный урожай сдавались в "священные кладовые", откуда каждый член общины получал довольствие. Они по-прежнему придерживались суровых монашеских обычаев; мужчины и женщины жили отдельно в военных лагерях. "Мать не имела права разговаривать с ребенком".^{2/} Все соблазны мирской жизни — вино, опиум и любовь — были запрещены на время священной войны.

Гражданская война продолжалась. На фронте в тысячи ли красные солдаты тайпинов сражались с белыми помещичьими армиями — в отличие от тайпинов их противники носили белые повязки. В октябре 1853 года красные войска подошли к Северной столице, Пекину, но потерпели поражение и отступили на юг.

Революция вступила в полосу кризиса.

1/ "Земельное уложение Небесной династии".

2/ Показания Ли Сю-чена.

. . .

"Неужели каждая революция пожирает своих сыновей?!" — воскликнул перед смертью Дантон.

Тысячи людей повторяли эти слова на помосте гильотины, в концлагерях и в застенках НКВД.

НЕУЖЕЛИ?

В это невозможно поверить.

Хочется, чтобы сломался компьютер, просчитывающий страшную статистику революций.

Из семи членов Политбюро было репрессировано шестеро. Только Сталин умер своей смертью.

Из пяти апостолов Небесного Брата погибли все.

"Только он, Небесный Брат, дожил до самого конца".^{I/}

. . .

На шестом году Небесного правления до конца было еще далеко.

На горе над Небесным городом возвышался колоссальный дворец Небесного Брата. Тысячи наложниц, музыкантов, конюших, носильщиков фонарей, знаменосцев, стражников обитали в этом огромном, отгороженном от мира Внутреннем Городе. Освещенные окна дворца были видны всей столице, в них скользили неясные тени, но никто не знал, что происходит внутри. Уже несколько лет Небесный Брат не показывал себя народу; ходили слухи, что он давно умер, а во дворце поклоняются большой деревянной кукле.

Всеми делами управлял Восточный князь Ян Сю-цин, один из апостолов Небесного Брата, тот самый, в которого иногда вселялся святой дух. Другие апостолы тоже стали князьями и народ простирался ниц перед их паланкинами, но Восточный Князь был выше всех и в минуту вселения святого духа иногда приказывал побить других князей палками. Он стремился к власти Вождя и глубоко презирал оторвавшегося от жизни и проводившего дни в фанатичных молитвах Небесного Брата. Однажды он приказал побить палками и его, и Небесный Брат распростерся на полу, поверив, что его устами действитель-

^{I/} Показания Хун Жэнь-гана.

но говорит святой дух.

Но у революции не может быть двух Вождей, как у армии не может быть двух главнокомандующих. Оскорбленный Небесный Брат обратился к другим князьям и поздней ночью 2 сентября 1856 года в столицу вошел трехтысячный отряд Северного князя Вэй Чан-хуэя. Солдаты бесшумно окружили дворец Восточного князя и по сигналу гонга ворвались в него. "Событие совершилось молниеносно. На рассвете Восточный князь и сотни его чиновников и слуг — мужчины, женщины, дети — уже лежали в лужах собственной крови. Некоторых из них были обезглавлены, другие проколоты копьями. Никто не избежал уготованной ему участи". Очевидцы рассказывают, что улицы, ведущие к дворцу, были завалены трупами.

Апостолы начали убивать друг друга.

Небесный Брат был возмущен жестокостью Северного князя. Женщина-чиновница с помоста перед дворцом зачитала указ о наказании Северного князя палками за массовое убийство невинных братьев и сестер. Словно смеясь над Небесным Братом, Северный князь явился на место экзекуции, посмотреть на которую были приглашены уцелевшие сторонники Ян Сю-цина. Он разрывал на себе одежды, вопил и причитал, каясь в содеянном, а вокруг толпы зрителей медленно сжималось кольцо его солдат. Внезапно он разразился смехом и приказал солдатам с красными повязками рубить зрителей. "По сообщениям разведки, главари мятежников в Южной столице закрыли городские ворота и истребляют друг друга",^{1/} — доносили в Пекин белые генералы. — "От этих ворот плывет по реке неисчислимое количество трупов длинноволосых мятежников, среди них — связанные веревками, а также одетые в желтые куртки [высших офицеров]"^{2/}.

По восточным обычаям Северный князь убивал всех: жен и малолетних детей, дальних родственников, знакомых и просто соседей. По реке плыли трупы, а Небесный Брат отрешенно смотрел на них из окон дворца, тупо повторяя старую молитву:

— Все люди — братья...

I/ "Фанлюэ", 162.

2/ Там же.

. . .

Сталин был тоже человеком Востока.

. . .

Северный князь занял место Восточного князя. Он также помыкал Небесным Братом, и Небесный Брат обратился за помощью к Особому князю Ши Да-каю. В ноябре 1856 года войска, оставшиеся верными Небесному Брату, напали на дворец Северного князя. Два дня в городе продолжались ожесточенные бои между отрядами красных. Северный князь был убит и его сторонники безжалостно вырезаны. По реке снова поплыли трупы со связанными руками.

28 ноября в Небесный город вступили войска Особого князя, который занял освободившееся место своего предшественника. Наученный горьким опытом, Небесный Брат не доверял своему последнему апостолу (все остальные к этому времени уже погибли). Он приставил к нему двух своих братьев. "Эти два человека, — писал близко знавший их генерал Ли Сю-чен, — были лишены талантов и отличались только упрямством. Распознав настроение государя, они всячески притесняли Особого князя. Вскоре враждебность и подозрения заставили Особого князя покинуть столицу. Именно по этой причине, отправившись в дальний поход, он отказался вернуться обратно".

Небесный Брат остался один.

Все его близкие соратники погибли и никто больше не мог претендовать на его власть.

Небесный Брат стал единственным Вождем, Отцом и Богом своего народа.

Пропусту говоря, он стал АБСОЛЮТНЫМ МОНАРХОМ.

. . .

Имеющий глаза, да увидит.

Революция породила Молоха, который пожрал ее детей.

Его имя не Сталин, не Мао, не Гитлер, и не Хун Сю-цзоань.

Его имя АБСОЛЮТИЗМ.

"У РЕВОЛЮЦИИ МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО ОДИН ВОЖДЬ", — сказал фюрер, глядя в глаза Рему.

• • •

В этом состоит великий закон революций.
РЕВОЛЮЦИИ ПОРОЖДАЮТ НОВЫХ ЦАРЕЙ.

• • •

У этого закона есть страшное следствие.
СОРАТНИКОВ ВОЖДЯ ОЖИДАЕТ СМЕРТЬ.

Их ожидает смерть потому, что они слишком близки к нему, потому что они знают, что он не бог. Революция не может победить лишь тогда, когда народ поверит в нового бога и пойдет за ним на смерть. Когда перед лицом врага, взявшись за руки, запоет "Господь — наша сила" или "Интернационал".

Когда со словами "За Сталина..." бросится на амбразуру дзота.

• • •

Соратников Вождя ожидает смерть.

Даже в том случае, когда Небесный Брат добр, когда он только и делает, что молится в своем дворце, когда он в религиозном экстазе бормочет: "Все люди — братья", — даже в этом случае их ожидает смерть.

Но в этом случае им предстоит убивать друг друга самим. Так, как это делали апостолы Небесного Брата.

• • •

Небесный Брат остался один, и Поднебесная успокоилась.

Он по-прежнему жил в задних покоях своего дворца, проводя время в молитвах и не показываясь народу. Делами руководил его двоюродный брат Хун Жень-ган, прибывший недавно из Гонконга. Проведя много лет у миссионеров и познакомившись с достижениями Запада, Хун Жень-ган пытался проводить новую экономическую политику. Он поощрял мелких торговцев, предлагал создать банки, строить железные дороги и фабрики. Провозглашенная тайпинами коллективизация в деревне и раньше проводилась непоследовательно; во многих районах тайпины

просто делили между крестьянами земли бежавших помещиков. Теперь кое-где помещики получили возможность сохранить свою землю при условии снижения арендной платы и выплаты большого налога.

Хун Жень-ган стремился завести связи с европейцами, своими "братьями во Христе", от которых он ждал помощи в борьбе с "белыми дьяволами". Но "братья во Христе" уже давно торговали во Храме и поклонялись золотому тельцу. Их основным товаром была "белая смерть", опиум; именно этот товар принесли они в Храм и предложили младшему брату Христа. Опиум был проклят и запрещен тайпинами, и тогда они вошли в соглашение с "белыми дьяволами" — хотя даже "дьяволы" пошли на это лишь после ожесточенного сопротивления. 13 октября 1860 года Северная столица, Пекин, был взят англо-французскими войсками, и одиннадцать портов были открыты для свободной торговли.

С этого момента "белые дьяволы" и "заморские черти" стали союзниками. Началась иностранная интервенция. Английские инструкторы обучили "Непобедимую армию" белых обращению с современным оружием. Скорострельные пушки и ружья Шапо должны были решить судьбу Небесной династии.

Красная армия истекала кровью в отчаянной и неравной борьбе. Вооруженные копьями и мушкетами "братья и сестры" плотными рядами шли под артиллерийский огонь, 20 дней они штурмовали белые укрепления, пытаясь спасти осажденный Аньцин. 5 сентября 1861 года Аньцин пал. Кольцо фронтов медленно стягивалось к Небесной столице, в январе 1864 года Нанкин был осажден "Непобедимой армией". В городе царил голод, Небесный Брат вместе со своими подданными собирал в своем саду коренья и готовил отвар, который он называл "сладкой росой". 30 мая специальным манифестом он известил народ, что вознесется на небо и, вернувшись оттуда с небесным воинством и самим Иисусом, спасет столицу.

1 июня он принял яд.

Он не вернулся.

Семь лет спустя в России родился Ленин. Когда ему исполнилось тридцать лет, он пошел агитировать в рабочие предместья Петербурга, Он говорил рабочим то же, что и Христос: "Кто не работает, тот — не ест" и "Неимущие всех стран — соединяйтесь!". Не все ли равно: Петербург или Иерусалим,

Христос или Маркс?

Главное, что "ВСЕ ЛЮДИ — БРАТЬЯ!"

Б Е З Д Н А В Е Ч Н О С Т И

Плоская глиняная равнина уходила в дрожащее марево горизонта и смыкалась там с голубым безоблачным небом. Пустыня и небо составляли весь этот мир; ровная поверхность затвердевшего глиняного моря и накрывающий его голубой купол. Впрочем, были еще холмы, тут и там подобно гористым островам поднимающиеся из этого моря. Их было много и иногда они стояли почти рядом, а иногда в нескольких беру^{I/} друг от друга. Они тоже были из глины, и их покатые склоны не нарушали однообразия этого желто-голубого мира.

ЭТО БЫЛ ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ КОНЦА СВЕТА.

ЭТИ ХОЛМЫ — ЭТО БЫЛИ ЗАПЛЫВШИЕ ГЛИНОЙ РАЗВАЛИНЫ ГОРОДОВ.

. . .

"Поднимись на холмы разрушенных городов и посмотри на черепа людей, живших давно и недавно: кто из них был злым и кто из них был добрым?"^{2/}

. . .

— Я тебя люблю, — сказала Инанна.

Она лежала на прохладной льняной простыне и ее дыхание еще не успокоилось после объятий. Ноги и руки ее были перехвачены лазуритовыми браслетами, а прекрасное обнаженное тело покрыто маленькими капельками пота.

— Я тебя люблю, — повторила она с закрытыми глазами.

В этом был смысл жизни.

I/ Около 8 км.

2/ "Разговор господина и раба".

Великий смысл и высшая цель.

Ибби-Суэн встал и подошел к окну, наслаждаясь короткой утренней прохладой.

Что-то пугающее пригрезилось ему в миг объятий.

Эти холмы — сон будущего...

Нет, великий смысл заключался не в этих холмах.

В другом.

Он повернулся.

— О, Инанна...

. . .

— Великий смысл заключается в справедливости и любви, — говорил учитель, сидя на циновке под пальмой. У него была накладная черная борода, наполовину скрывавшая высохшую стариковскую грудь; бедра были обернуты белой тканью, а на шее висела печать сукальмаха. Глаза у него были добрые и по-стариковски печальные.

— Великий смысл заключается в справедливости и любви, — говорил старый сукальмах. — И ожидающая тебя царская власть назначена к сохранению справедливости и любви среди людей. Придет время и отец твой бог Шу-Суэн уйдет в землю и ты станешь богом этой страны. И в первый же день над твоим дворцом взметнется золотой факел, и люди закричат: "Справедливость!" И помчатся вокруг гонцы, возвещая весть, и рабы перестанут быть рабами, и богач отдаст бедняку его поле, и должники забудут о своих долгах. Снова станут равными люди и жизнь начнется сначала — так заведено в этой стране.

. . .

— О, Инанна, — шептал он, целуя обветренные губы...

. . .

— Придет время и отец твой бог Шу-Суэн уйдет в землю. И в первый день нового года жрецы в белых одеждах поведут тебя на вершину Храма. День и еще полдня продлится этот подъем, и к вечеру ты достигнешь страны блаженства. Сама богиня Инанна выйдет тебе навстречу, возьмет за руку и вве-

дет в свой дом.

И люди внизу увидят, как тыходишь в ее дом на вершине.

И зацветут поля.

И любовью наполнятся глаза людей.

И добротой наполнятся их души...

. . .

— И настанет утро и ты будешь смотреть с вершины на Страну, и Инанна будет рядом с тобой. И вы увидите зеленую равнину, и квадраты полей, и крестьян за работой, и ткачей под деревьями, и гонцов на дороге. Вы увидите, как рыбак тянет свои сети и мальчик помогает ему, как девушка идет за водой и мать кормит младенца.

Так, умиротворенные, вы будете стоять и смотреть на Страну.

. . .

И раскроются глаза и чувства твои.

И ты поймешь великий смысл сущего.

Великий смысл заключается в справедливости и любви!

В справедливости и любви...

. . .

— И к полудню ты спустишься с вершины храма. Писцы с глиняными табличками сядут вокруг тебя, чтобы записать твои слова.

И ты скажешь им слово царя.

. . .

Он еще раз поцеловал Инанну.

— Надо идти, — сказал он. — Туда, на землю...

Она печально улыбнулась.

— Иди, мой царь. Я буду молиться за тебя и за Страну.
Я тебя люблю.

— Инанна говорит твоими устами. Пусть она полюбит мою Страну. И пусть она заступится за нее перед другими богами...

Жрица смотрела ему вслед, и по щекам ее текли слезы.

. . .

Он должен был пройти обратный путь за полдня. Священная дорога вилась вокруг колоссального зиккурата, медленно опускаясь к его подножью. На каждом повороте дороги он должен был останавливаться и созерцать Страну, предаваясь мыслям о ней. Он смотрел на изрезанную каналами зеленую равнину, на редкие рощицы пальм, на желто-зеленую Реку и на возвышающиеся вдали зиккураты соседних городов.

Страна...

Великая Страна между Двух Рек...

Единственная Страна...

Страна людей...

— Смотри, — шептал он себе искусанными губами, — смотри...

. . .

"Черноголовые" — это были люди Страны. В далекие времена они не жили в мире, среди них были сильные и слабые, и сильные угнетали слабых. Тогда и была послана на землю царская власть, "нам-лугала". Она была послана, "чтобы сироте и вдове сильный человек ничего не причинил",^{1/} — так говорится в древнем законе. Сын водноса Саргон был первым великим Царем Страны. "Черноголовые" шли за ним, как стадо за пастырем, а сильные и богатые жаждали его смерти. Его сын Римуш "5700 сильных мужей вывел на истребление и заключил в лагерь".^{2/} Он убивал сильных и тех, кто пытался встать рядом с ним. Он создал лагерь для тех,

1/ "Овальная пластина".

2/ Надпись Римуша.

кто не верил в царственность "нам-лугала".

Его сын Миништусу тоже убивал сильных и тех, кто не верил.

И его сын Нарам-Суэн делал так же.

. . .

— Смотри, — шептал он себе, — смотри...

Плоская зеленая равнина простиралась на многие беру вокруг. Рабочие отряды убирали свои поля, рыбаки промышляли на реке, и ровным строем шли носильщики с корзинами за плечами. Писцы сидели во дворе храма и записывали отчетность. Стражник у ворот беседовал с женщиной...

. . .

Великие цари истребили всех сильных, всех, кто противился Справедливости, о которой говорил старый сакульмах. И когда не стало сильных, великий царь Нарам-Суэн провозгласил себя Богом. Он надел двухрогую корону богов, и писцы ставили перед его именем знак Бога.

"Бог Нарам-Суэн могучий — это я, Урду, писец, твой раб".

. . .

Были и другие боги раньше в Стране, и богиня Инанна была любимицей простого народа. Бог-царь стал ее мужем и вступил с ней в священный брак на вершине зиккурата в Уруке. И каждый Новый Год народ смотрел, как он восходит под облака и Инанна выходит ему навстречу.

...Двурогая корона и лазуритовые браслеты были на ней вчера. И ничего больше. Так стояла она на вершине зиккурата, протянув ему руку, а народ смотрел снизу, как она вводит его в свой дом...

. . .

С тех пор, как царь взял в жены Инанну, храмы богов стали храмами царя и хозяйства храмов — хозяйствами царя. В рабочие отряды были организованы люди, и все вместе они убирали поля Бога. Писцы были приставлены к рабочим отрядам, чтобы принимать работу и выдавать пайки. Мало осталось таких, кто имел свое поле и не получал пищу из рук писцов. Справедливость установили цари, и писцы давали всем из своих рук по справедливости.

Ибо высший смысл заключается в справедливости и любви, и царь — опора ее. Царь и Бог.

. . .

Но может быть, ошибка была в том, что истребили всех сильных, что остались в Стране одни слабые... Они не вырывали друг у друга пайки и послушно исполняли наказания писцов, но не было в них силы и ярости. К послушанию, справедливости и любви приучили их боги-цари и не смогли они сопротивляться диким кутиям.

В горах жили кутии, где было мало хлеба, где царил голод и нужно было сражаться за пищу. И каждый день они убивали друг друга в борьбе за пищу, вцеплялись зубами в горло и пили кровь врага. И когда почували они, что в Стране остались одни слабые, они бросились на равнину. Косматые и грязные, с каменными топорами и звериным оскалом лиц, они бросились на людей Страны...

"О, проклятый кутий, жалящий змей гор, насильник богов, уничтоживший царство, отнявший жену у мужа и дитя у матери..."^{I/}

О, проклятый кутий, насильник богов...

. . .

Ибби-Суэн сжал зубы и провел по лицу ладонью. Нельзя царю предаваться гневу на обратном пути от Инанны. Давно это было и много поколений прошло с тех пор. Восстановлены

^{I/} Надпись Утухенгаля.

храмы, и города, и каналы, и снова покрылась зеленью сожженная равнина. Давно это было...

. . .

Дикие звероподобные кутии перебили мужей Страны и взяли насильем ее женщин. Они зачали новое поколение среди развалин и от этих женщин снова народились сильные, способные на зло и ярость люди Страны. Прошло время, их стало много и они прогнали диких кутиев в горы. Вялильщик рыбы Утухенгаль восстановил в Стране царственность "нам-лугала". Прогнав кутиев, он смирил сильных и снова утвердил на земле Справедливость.

Его преемник Ур-Намму тоже утеснял сильных и укреплял великую Справедливость.

И его сын Щульги поступал так же.

. . .

Великие цари снова сломили сильных, которые противились Справедливости и не верили в великую царственность, "нам-лугала". И когда в Стране остались только покорные, получающие хлеб у писцов рабочие-гуруши, великий царь Щульги провозгласил себя Богом.

И толпа плясала у подножия зиккурата, на вершине которого стоял Щульги.

. . .

Ч-е-р-н-оголовые люди Страны... Вот они идут по дороге, носильщики с мозолистыми руками... Вот рабочий с серпом, выпрямившись, утирает со лба пот. Вот женщина улыбается стражнику доброй улыбкой...

Люди Страны...

Мои люди...

Вы не вырываете друг у друга кусок хлеба. Вы не умеете убивать друг друга ради куска хлеба...

Вы верите в Справедливость, "нам-лугала"...

Тех, кто способен на зло и ярость, кто любит убивать каменным топором, кто утесняет других — тех нет среди

вас...

Великие цари истребили их всех во имя Справедливости, "нам^Илугала".

И вот теперь дикие диданы идут из пустыни.

Что ждет вас, люди Страны?

. . .

Женщина улыбается стражнику доброй улыбкой и стражник протягивает ей кусок хлеба. Она молча отдает его своему ребенку; маленький мальчик жует хлеб и смотрит на вершину зиккурата, на великого царя и Бога Ибби-Суэна.

Что ждет Вас, люди Страны?

. . .

Сын Бога Шульги Шу-Суэн построил "Великую Стену, отдаляющую диданов". 26 беру была ее длина, мощные башни ее перегородили равнину между двух рек. Диданы ложились у стены, а другие лезли по ним наверх, от злобы кусая камни. Сброшенные вниз, они садились в отдалении и поедали трупы убитых.

"Они ели сырое мясо,
Всю жизнь не знали, что такое дом,
А умерев,
Оставались непогребенными." I/

На третьем году правления Бога Ибби-Суэна, накануне праздника священного брака, они прорвались через Великую Стену у Эшнунны.

И богиня Инанна плакала, прощаясь с царем.

. . .

Ибби-Суэн закрыл глаза.

I/ Легенда о Марту.

Плоская пустыня уходила в дрожащее марево горизонта и смыкалась там с безоблачным небом. Глиняные холмы возвышались над равниной, но их покатые склоны не нарушали однообразия этого печального мира.

Бедуин-араб остановил своих верблюдов у подножия холма, сел на камень и откупорил флягу с водой. Потом посмотрел на солнце, собираясь продолжать путь, но, заметив что-то, остановился и ковырнул посохом глину. Как будто мостовая из утопленных в глину круглых камней окружала подножие холма. Он поковырял посохом и вытащил один камень. Это был не камень — это был побелевший от времени череп с огромными пустыми глазницами. Рот его был забит песком, а на маленьком лбу блестела присохшая лазуритовая бусинка.

Старый бедуин долго смотрел на череп, шевеля губами.

Потом положил череп на камень, встал перед ним на колени, охватил голову руками и, раскачиваясь из стороны в сторону, зашептал слова молитвы.